

18+

ТАНЯ ЗОРК
ПОД СОЛНЦЕМ
БЕЗ ВОЗДУХА

Таня Зорк
Под солнцем без воздуха

<https://litres.ru/74395213>

ISBN 9785007094344

Аннотация

«Под солнцем без воздуха» — роман о том, как не задохнуться в собственном успехе, разбить зеркало чужих ожиданий и выбрать себя.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. Иллюзия солнца	7
Глава 2. Рыжие кудри	12
Глава 3. Рыжее солнце	21
3.1. Иллюзия тепла	22
3.2. Первые трещины	32
3.3. Первая ночь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Под солнцем без воздуха

Таня Зорк

© Таня Зорк, 2026

ISBN 978-5-0070-9434-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга началась с находки. Десять лет назад я сидела в съёмной квартире в огромном городе и написала в блокноте: «Под солнцем без воздуха». Это было название моей новой книги. Которую я осмелилась написать только сейчас. Я не знала, что писать дальше. Я только чувствовала это состояние — когда вокруг всё правильно, всё блестит, всё так, как ты мечтала, но дышать нечем.

Потом жизнь закрутила. Я тоже, как моя героиня Мирета, приехала из маленькой деревни в большой мир и пыталась доказать, что чего-то стою. И тоже однажды поймала себя на мысли, что стала себе чужой.

Спустя десять лет я нашла записи. И поняла: эта история ждала, пока я сама научусь дышать.

Мирета — не я. Но в ней есть часть каждой женщины, которая выбирала между «надо» и «хочу». Между блестящей иллюзией и тихой правдой. Между солнцем, которое слепит, и солнцем, которое греет.

Это книга о выборе. Она о выборе между собой настоящей и собой для других. О том, как не задохнуться в мире, где всё кричит о внешнем блеске. О том, что настоящее солнце — внутри, и его можно зажечь, только вернувшись к своим корням.

Я написала её для тех, кто стоял у окна в идеальной квар-

тире и чувствовал, что задыхается. Для тех, кто помнит запах своего детства и боится забыть, как пахнет свобода. Для тех, кто готов разбить зеркало иллюзий, чтобы увидеть наконец своё отражение.

Мирета — дизайнер. Она создаёт красивые пространства и ее хобби создавать красивую одежду. Но главный свой дизайн-проект она создаст из собственной жизни. И в нём будут окна, которые открываются, и в них светит тёплый солнечный свет, и воздуха будет столько, что невозможно надыхаться.

Спасибо, что открыли эту книгу. Надеюсь, на этих страницах вы найдёте не только историю, но и глоток своего свежего, вдохновляющего воздуха.

С любовью, Таня Зорк

Глава 1. Иллюзия солнца

«Я смотрела на огни города и думала: как много людей живут в домах, где нет ни одного живого цветка. Только бетон. Только стены. Только пустота.»

Пентхаус на сорок втором этаже пах свежей краской, новым кожаном интерьером и деньгами. Этот запах Мирета научилась различать с закрытыми глазами — так сомелье отличают ноты дуба от ванили в выдержанном вине. В нём не было ничего живого, но клиенты платили именно за это: за стерильность, за идеальные линии, за иллюзию жизни без пыли и запахов.

Она провела ладонью по столешнице из итальянского мрамора. Холодный. Безупречный. Мёртвый. Пальцы запомнили холод — такой, как у мраморной плиты в склепе. Она вдруг остро, до тошноты, захотела вдохнуть запах влажной земли после дождя, но вокруг был только воздух без запаха.

Завтра сюда приедет команда «Меры» — фотографы, стилисты, ассистенты. Будут ловить свет, выстраивать кадры, чтобы запечатлеть этот интерьер для её портфолио. Чтобы новые клиенты смотрели и хотели так же: стерильно, дорого, мёртво.

— Мирета, это гениально! — голос заказчика, господина

Томского, разнёсся по пустой гостиной. Он ходил кругами, разглядывая каждый угол, и хлопал в ладоши, как ребёнок. — Я чувствую себя властелином мира! Эти окна! Этот свет!

Мирета улыбнулась профессиональной улыбкой, которую оттачивала десять лет. За ней можно спрятать усталость, головную боль, желание провалиться сквозь землю.

— Рада, что вам нравится, — сказала она мягко. — Я старалась передать ваше ощущение пространства.

Томский подошёл к панорамному окну и раскинул руки, будто обнимая город.

— Знаешь, почему я выбрал именно сорок второй этаж? — спросил он, не оборачиваясь. — Не тридцать пятый, не двадцать восьмой? Потому что так я ближе к солнцу! — Он обернулся, и глаза его горели фанатичным блеском. — Великие люди должны быть ближе к солнцу. Это моя философия. Солнце даёт силу, энергию, власть. Чем выше ты над землёй, тем ближе к настоящей жизни. Внизу — суета, толпа, муравейник. А здесь — настоящий воздух!

Он сделал глубокий вдох, будто на сорок втором этаже действительно существовал какой-то особый воздух.

Мирета слушала и смотрела не на него, а в сторону. Взгляд упал на стену у выхода — туда, где висело огромное зеркало в позолоченной раме. Солнце из панорамных окон падало прямо на него, и рама вспыхивала, будто настоящее золото. Зеркало горело.

Она поймала своё отражение. Женщина в идеальном бе-

жевом костюме, с идеальной укладкой, с отточенной улыбкой, застывшей в уголках губ. В свете золотой рамы она сама казалась частью этого сияния.

И вдруг на секунду отражение изменилось. Вместо укладки — распушенные волосы, вместо костюма — льняное платье с вышивкой. Глаза другие — спокойные, настоящие. Нашее — едва заметное красноватое пятнышко, похожее на след от ожога. Мирета моргнула. Всё вернулось на свои места. «Показалось», — подумала она.

Но тут в голове всплыл голос матери, Славы. Тот самый, с южным говором, чуть хрипловатый от долгих разговоров на закате.

«Земля, дочка, она родная. Солнце — оно сверху, оно слепит, оно может и выжечь, если близко. А земля — она кормит, одевает, согревает. Из земли всё растёт — и цветы, и ты сама. Запомни: кто от земли отрывается, тот себя теряет. Держись корней, Мирета. Земля тебя помнит».

Голос мамы Славы был таким же тёплым и плотным, как та самая земля. Мирета почти физически почувствовала под ногами не мрамор, а мягкую, влажную после дождя почву. На секунду ей показалось, что она слышит стрекот «Зингера» — тот самый, под который засыпала в детстве. А потом звук исчез, и остался только голос Томского: «...ближе к солнцу!»

— ...поэтому я считаю, что каждый должен стремиться вверх, — продолжал он. — Ты же сама поднялась, Мирета!

Из там российской глубинки — и вон куда. Ты тоже у солнца училась?

— Наверное, — ответила она вежливо.

Она не стала спорить. Но подумала: «Может быть, моё призвание — не выбирать между землёй и солнцем? Может, я должна стать тем солнцем, которое греет? Не слепящим, не выжигающим, а тёплым?»

Она снова взглянула в зеркало. Отражение улыбнулось ей. На секунду показалось, что в золотой раме она видит не просто женщину в бежевом костюме, а ту девочку, что когда-то засыпала под стрекот «Зингера».

— Я пришлю финальные фото для вашего одобрения, — сказала она, возвращаясь к делу. — Завтра команда будет работать.

— Делай что хочешь! — махнул рукой Томский. — Ты гений, Мирета. Кстати, сегодня твой показ? Я слышал, вся пресса будет.

— Да, сегодня вечером.

— Удачи! Хотя тебе она не нужна. Ты и так на вершине.

Мирета вышла в коридор и на секунду задержалась у зеркала. Посмотрела на себя в золотой раме.

«Может, когда-нибудь я научусь быть солнцем для кого-то, — подумала она. — Настоящим. Не фальшивым».

Она поправила воротник, хотя он и так сидел идеально, и пошла к лифту. Цифры этажей сменяли друг друга: 42, 41, 40...

39, 38, 37... Лифт падал вниз. Она закрыла глаза и представила поле за домом. Васильки. Ромашки. Мама Слава у калитки с ведром малины.

Когда двери открылись, она почти бегом вышла на улицу и встала на тротуар, чувствуя под ногами твёрдую землю. Глубокий вдох. Выдох.

В Париже пахло выхлопными газами, горячими круассанами и тысячами чужих духов. Но это был ее воздух.

Глава 2. Рыжие кудри

«Человек может сиять ярко, но греть — только тот, у кого внутри есть огонь.»

Вечером был запуск новой коллекции «Мера».

Первый самостоятельный показ Миреты. Она волновалась так, как не волновалась на студенческих дефиле десять лет назад, когда впервые вышла на подиум в Москве, в крошечном зале без софитов, где единственным зрителем был преподаватель с блокнотом.

За кулисами стоял привычный хаос: визажисты порхали вокруг моделей, стилисты утюжили складки, кто-то кричал в рацию. Пахло лаком для волос, косметикой и потом. Мирета сидела в углу за визажным столиком и смотрела в зеркало.

Коллекция называлась «Геометрия чувств». Прямые линии, чёткие силуэты, минимум декора. Цвета — пепельно-серый, графитовый, белый. Цвета бетона и стекла. Цвета города, который она покорила.

— Шеф, всё готово, — к ней подскочила Лера, её правая рука, вечно взлохмаченная, с блокнотом в руках. — Модели на месте, свет выставлен, пресса в зале. Пять минут до начала.

Мирета кивнула, поправила своё белое платье — тоже «Мера», та же геометрия, те же линии — и подошла к щели

в кулисах.

Зал был полон. Первый ряд сиял: критики из Vogue и Elle, байеры из крупнейших магазинов, пара известных актрис, лица которые она видела на обложках. Свет софитов выхватывал лица, причёски, бриллианты. Воздух был спрессованным, пахло духами и дорогим парфюмом.

А потом она увидела его.

Он сидел не в первом ряду, а чуть сбоку, у прохода. Видимо, его кто-то провёл по знакомству — такие лица не могли быть просто прессой. Он был похож на солнце. Честное слово, у Миреты не было другого сравнения.

Рыжие кудри падали на лоб, веснушки рассыпались по носу и скулам так щедро, будто кто-то разлил по его лицу золотую пыльцу. На нём была мятая льняная рубашка, расстёгнутая на две верхние пуговицы, и старые кеды. Один шнурок развязался. «Он даже не замечает», — подумала Мирета, и эта мелочь тронула её больше, чем идеальный профиль.

Он разговаривал с соседом, и когда смеялся — а смеялся он часто, запрокидывая голову, — свет софитов ловил его лицо. Яркое. Живое. Как у античных Богов... Ему было около двадцати восьми, и он весь светился какой-то беззаботной, почти детской радостью.

Мирета почувствовала, как сердце пропустило удар. Она не испытывала такого со студенческих лет. В груди разлился жар, и она задержала дыхание.

— Кто это? — шёпотом спросила она у Леры.

— А, это Луис, — Лера даже не посмотрела в ту сторону.
— Художник и манекенщик. Сейчас очень популярен. Его все зовут на показы — он как талисман, приносит удачу.

— Говорят, у него скоро выставка. Безумно талантлив.

— Лера, нам пора, — сказала Мирета, но голос выдал её.

Она отдернула штору и пошла к моделям. Сердце колотилось где-то в горле, и она пыталась успокоить его дыханием. «Соберись. Ты не школьница. Ты — Мирета Гранд».

Показ прошёл триумфально. Модели в графитовых костюмах чеканили шаг по подиуму, публика щёлкала затворами. После финального выхода аплодировали стоя. Мирета вышла на поклон — один, второй, третий. Улыбалась так широко, что свело скулы. Дорожка была усыпана цветами и золотым серпантинном. Кто-то бросил к её ногам букет белых роз — она нагнулась, подняла, и прижала к груди букет. Всё выглядело сказочно. Как будто само солнце приглашало её на поклон.

А потом был фуршет. Шампанское лилось рекой, десятки людей хотели её внимания. Compliments сыпались со всех сторон. Журналисты наперебой спрашивали о планах. Мирета кивала, улыбалась, благодарила — и чувствовала, как внутри разрастается знакомая пустота. Как будто она смотрела на себя со стороны, на актрису в чужом спектакле.

Она стояла у окна с бокалом, который уже полчаса не подносила к губам, и смотрела, как за стеклом зажигаются огни вечернего Парижа. Золотыми точками, мигающими в темно-

те, — каждый огонёк был чьей-то жизнью, чьей-то мечтой.

— Вы сегодня были богиней, — загадочно произнёс голос за спиной.

Она обернулась. Он стоял рядом. Ближе, чем она ожидала. Рыжие кудри чуть влажные, веснушки на носу, глаза зелёные, с золотыми крапинками — точно под цвет его рубашки. Или рубашка под цвет глаз. Мирета уже не понимала. От него пахло апельсином, красками и чем-то неуловимо тёплым — может, солнцем, которое он, казалось, носил в себе.

— Спасибо, — сказала она. Это единственное слово, которое удалось выдать из себя.

— Луис, — представился он и протянул руку. — Я художник. И, кажется, ваш самый преданный поклонник с сегодняшнего вечера.

Она пожала его руку. Ладонь была тёплая. Как будто он действительно носил с собой солнце.

— Мирета.

— Я знаю. — Он улыбнулся, и улыбка заняла пол-лица.

— Кто же не знает Мирету Гранд и бренд «Мера»? Я видел ваши интерьеры в журналах. А эта коллекция... это что-то невероятное.

— Правда? — спросила она и сама удивилась, как по-детски это прозвучало.

— Правда. — Он сделал глоток шампанского и посмотрел на неё так, будто видел насквозь. — Знаете, я всегда думал, что дизайнеры, которые делают такие идеальные вещи,

должны быть холодными. А вы — тёплая.

Мирета рассмеялась.

— Я тёплая?

— Очень. — Он кивнул серьёзно. — У вас глаза тёплые. Это редкость в этом городе.

Они проговорили полчаса. Он рассказывал о своей живописи, о том, как любит писать закаты («потому что они каждый раз разные, понимаете? Солнце каждый раз разное!»). О прекрасных девушках, и от своих портретах. О своей мечте, чтобы его выставки проходили в Лувре.

Она слушала и ловила себя на том, что не хочет, чтобы этот вечер заканчивался. С ним было легко. Он говорил за двоих — болтал без остановки, перескакивал с темы на тему, смеялся собственным шуткам. И в этом потоке слов Мирета чувствовала себя в безопасности. Можно было просто слушать и смотреть на его веснушки.

А потом он замолчал и посмотрел на неё так пристально, что у неё перехватило дыхание.

— Можно я позвоню вам? — спросил он. — Завтра. Или когда скажете.

Она кивнула. И продиктовала номер.

— Луис, — сказала она, когда он уже собрался уходить. — А что значит твоё имя?

— Луис? — Он усмехнулся. — Прославленный воин. Иронично, правда? Я даже мухи не обижу.

Она рассмеялась. Не зная тогда, что это не шутка, а про-

рочество. Воин, который не сражается. Солнце, которое не греет.

Он наклонился и поцеловал её. Легко, невесомо. Его губы были тёплыми, почти горячими. А потом она почувствовала лёгкое жжение на коже — там, где его веснушки касались её щеки. «Солнце оставляет следы», — мелькнула странная мысль.

Но видение, нахлынувшее следом, вытеснило всё.

Она увидела себя. Ту же себя. В той же комнате. С тем же поцелуем. Но свет был другой — холодный, утренний. Она чувствовала не тепло, а озноб. Внутри было пусто. И она знала: это продлится долго. И это принесёт боль.

Мирета отдернулась, часто моргая. Коснулась щеки — кожа горела. На скуле алело небольшое пятно, похожее на след от ожога.

— Что? — Луис удивлённо смотрел на неё. — Всё хорошо?

— Да. Да, прости. — Она коснулась виска. — Голова закружилась. Шампанское...

— У тебя щека покраснела, — заметил он. — Аллергия?

— Наверное.

Он улыбнулся той улыбкой, от которой у всех женщин таяло всё в груди.

— Тогда в следующий раз тёплый чай.

Он исчез через полчаса — Лера сказала, что его срочно вызвали на съёмки. Мирета стояла у окна и смотрела, как он

пересекает зал, как ему машут, как он улыбается всем подряд. Рыжая голова мелькала в толпе, как маленькое солнце. А потом он обернулся у выхода, поймал её взгляд и улыбнулся только ей. Исчез.

Домой она ехала в такси и всю дорогу улыбалась. Водитель косился в зеркало заднего вида, но она не обращала внимания. Только трогала щёку — краснота уже спала, но лёгкое жжение ещё оставалось. Странно.

Дома было душно. Она распахнула окно, высунулась наружу — ветра не было. Город замер в ночной духоте, раскалённый асфальт отдавал тепло обратно. Но Мирете было не душно. Ей было тепло. Внутри.

Она подошла к зеркалу в ванной и всмотрелась в своё лицо. Никаких следов. Только лёгкий румянец. «Показалось», — решила она.

Но перед сном, лёжа в постели, снова почувствовала покалывание на том самом месте. Провела пальцем — кожа была чуть горячее, чем вокруг. «Странная аллергия», — подумала она.

Долго не могла уснуть. Думала о показе, о своём триумфе, о пустоте внутри, о его веснушках. Потом встала, села за рабочий стол. Открыла планшет, взяла стилус и замерла. Рука сама потянулась рисовать не то, что нужно. Не геометрию, не бетон. Она рисовала поле. То самое поле за её деревней, где она бегала босой девчонкой. Васильки. Ромашки. Колоски пшеницы по краям. И платье — лёгкое, льняное, с вышив-

кой, будто ветер нарисовал узоры.

«Земля даёт жизнь и вдохновляет», — всплыл в голове мамин голос.

Она рисовала и чувствовала, как в груди становится легко. Как будто вместе с линиями на экране в комнату входил тот самый воздух — деревенский, пахнувший сеном и рекой. Ей казалось, что она слышит стрекот кузнечиков и чувствует под босыми ногами тёплую землю.

А потом увидела время. Час ночи. А эскизов для инвесторов нет.

Она стёрла всё. Открыла новый файл. Начертила идеальный квадрат, залила его графитовым. Потом ещё один. Прямые линии. Чёткие углы.

Душа помнила поле. Но пальцы рисовали бетон.

Мирета легла спать, включила кондиционер. Потрогала щеку — пятно чувствовалось. Она уснула быстро. Приснилась сирень. Она росла около бабушкиного дома. Пробивала корнями сухую землю, цвела огромными лиловыми гроздьями. Мирета стояла рядом и пыталась вдохнуть этот запах — но не могла. Будто стекло было между ней и сиренью. А потом сирень превратилась в рыжие кудри. И кто-то тёплый взял её за руку. И снова — жжение на щеке.

Она проснулась с колотящимся сердцем и долго лежала, глядя в потолок.

За окном уже вставало солнце. Такое же яркое, как вчера. Такое же, как всегда.

Но сегодня ей почему-то казалось, что оно светит чуть теплее.

Глава 3. Рыжее солнце

«Солнце бывает разным: одно дарит жизнь, другое — только боль. Надо научиться их отличать.»

3.1. Иллюзия тепла

Утро началось с солнца.

Оно пробивалось сквозь тонкие шторы, падало полосами на пол, на кровать, на лицо. Мирета приоткрыла один глаз, потом второй — и улыбнулась. Она не улыбалась по утрам уже давно. Обычно это было время сбора сил перед очередным днём масок. Но сегодня было по-другому.

Сегодня где-то в городе просыпался рыжеволосый художник с веснушками на носу. И у неё был его номер.

Она потянулась к телефону, лежащему на тумбочке. Проверила — никаких сообщений. Ну и правильно, зачем ему писать в восемь утра? Художники вообще поздно встают. Она отложила телефон. Через минуту взяла снова. Пусто.

— Мирета, соберись, — сказала она вслух. — Ты взрослая женщина. У тебя бизнес, интервью, обсуждение показа. А ты пялишься в телефон как школьница.

Телефон молчал. Она встала, прошла на кухню, включила кофемашину. Пока кофе варился, снова посмотрела на экран. Ничего.

— Это даже мило, — решила она. — Не спамит с утра пораньше. Уважает личное пространство.

Кофе был горьким. Она добавила молока, выпила, глядя в окно. Париж просыпался: первые туристы, первые машины, первые открывающиеся кафе. Где-то там, среди этих улиц,

живет он. Рыжий. Веснушчатый. С улыбкой на пол-лица.

Телефон зазвонил.

Сообщение от неизвестного номера:

Художник:

«Доброе утро. Это Луис. Я вспомнил, что не спросил самую важную вещь. Какую музыку вы любите? Мне нужно знать, потому что сегодня вечером я поведу вас в одно место. Там играет джаз. Жду ответа. Вы согласны?»

Она прочитала сообщение три раза. Потом четвёртый. Улыбнулась так, что свело скулы. И снова — лёгкое покалывание на том самом месте, где вчера горела щека. Провела пальцем по коже. Вроде всё нормально, но ощущение осталось.

Пальцы сами застучали по экрану:

МЕРА:

«Доброе утро. Я люблю разную. А куда мы идём?»

Ответ пришёл через секунду:

Художник:

«Если скажу — не будет сюрприза. Обещаю: вам понравится. Я хорош во всём, кроме уборки. А вы?»

Она рассмеялась.

МЕРА:

«Я люблю порядок. Но у меня есть помощница по дому».

Художник:

«Запишу: Мирета любит порядок и делегирует уборку. А ещё что? Какие у вас любимые цветы? Это важно, вдруг я

реши дарить их каждый день».

МЕРА:

Каждый день. Она перечитала эти два слова.

«Сирень. Но она цветёт только весной».

Художник:

«Значит, будем искать сирень круглый год. Я художник, я умею рисовать сирень. Будет у вас сирень даже зимой. Договорились?»

МЕРА:

«Хорошо».

Они переписывались всё утро. Она чуть не опоздала на встречу с командой. В офисе то и дело ловила себя на улыбке в монитор и любопытные взгляды Леры.

— Шеф, вы влюбились, что ли? — не выдержала та.

— Я? — Мирета сделала удивлённое лицо. — С чего ты взяла?

— Ну, вы уже час смотрите в телефон и улыбаетесь. Обычно вы хмуритесь.

— Просто хорошие новости.

— Ага. — Лера хитро прищурилась. — Рыжие новости?

— Лера!

— Молчу-молчу. Но если что — я за вас рада. Давно пора.

Днём была встреча с мадам Дюбуа, владелицей сети бутиков. Она хотела переделать интерьер своего особняка в стиле «минимализм с душой». Мирета усмехнулась, но умела на-

ходить баланс между холодной геометрией и живыми деталями: текстура дерева под стеклянной столешницей, тёплый свет бра вместо холодных встроенных светильников, живое растение в углу.

— ...и главное, чтобы было светло, — щебетала мадам Дюбуа. — Я люблю солнце. Успешные люди должны жить в максимально освещённых пространствах.

— Слышала, — кивнула Мирета, и перед глазами встал Томский на сорок втором этаже.

— Вот-вот! Я хочу, чтобы солнце заливало всё!

Мирета посмотрела в окно. За ним было солнце — яркое, парижское, совсем не такое, как дома. Она подумала: «а знаете, мадам Дюбуа, что солнце может и выжечь? Что от него нужно иногда прятаться в тени? Что без тени нет объёма, нет глубины, нет жизни?» Но ничего не сказала. Улыбнулась и записала в блокнот: «Максимальное освещение».

Выходя из особняка, она поймала себя на мысли, что ей душно. День был обычный, не жаркий. Просто душно.

Она села в такси и открыла переписку с Луисом.

Художник:

«Как проходит день у самого талантливого дизайнера Парижа?» **МЕРА:**

«В разговорах о солнце с очередным клиентом. А у художника?»

Художник:

«Художник сегодня не рисовал. Он думал о рыжих кудрях.»

Это нормально?»

МЕРА:

«Ненормально. Вы самовлюблённый тип».

Художник:

«Обидели. Я не самовлюблённый. Я просто люблю себя адекватно своему отражению. А ещё люблю вас. Пока только чуть-чуть. Но вечером, кажется, полюблю сильнее. Вы готовы?»

Она перечитала сообщение раз пять. Сердце колотилось.

МЕРА:

«Посмотрим».

Художник:

«„Посмотрим“ — это согласие. В семь у входа в Centre Pompidou. Идём?»

МЕРА:

«Да».

Она готовилась к вечеру как к свиданию всей жизни. Перемерила три платья, остановилась на простом чёрном — элегантном, но не вычурном. Распустила волосы, собрала, снова распустила. Макияж делала особенно тщательно, но в итоге стёрла почти всё — осталась только лёгкая тушь и блеск для губ.

— Ты сошла с ума, — сказала она своему отражению. — Тебе тридцать два года, у тебя свой бренд, а ты как подросток перед первой дискотекой.

Отражение согласно кивнуло, но глаз не отвело. В них был страх. И надежда.

В семь ноль-ноль она стояла у входа в Центр Помпиду. Он появился ровно в семь — вынырнул из толпы, её рыжее солнце. В руках у него был букет — пышные лиловые гроздья, пахнущие сладко и чуть приторно.

— Это сирень, — сказал он с гордостью.

— Где ты взял её в конце сентября? — выдохнула она.

— Тайна. Я же говорил: я умею находить сирень круглый год.

Она взяла цветы, вдохнула. Ей показалось, что в запахе есть что-то искусственное, но она отогнала эту мысль. Он взял её за руку, и они пошли в сторону Марэ. Рука у него была тёплая — опять тёплая, как вчера. Мирета поймала себя на том, что думает: лишь бы не отпускал. И снова — лёгкое покалывание в щеке, там, где вчера горело пятно.

Они зашли в маленький дворик, о котором она и не подозревала. Во дворике была лестница, ведущая куда-то вниз. На двери висела неоновая вывеска: «Sous le Soleil» — «Под солнцем».

— Это бар, — объяснил Луис. — Здесь играют только джаз. Живая музыка для сердца. Я подумал, что после твоей рабочей недели тебе нужно что-то живое.

Внутри было темно, пахло табаком и играл джаз. На сцене три пожилых негра играли что-то тягучее, грустное и бесконечно красивое. Луис заказал вино, они сидели за малень-

ким столиком, и он говорил без остановки. О своей матери-испанке, которая научила его танцевать фламенко. Об отце-французе, который бросил их, когда ему было пять. О том, как попал в модельный бизнес случайно — его заметили на улице, когда он нёс огромный холст. О том, что ненавидит позировать, но любит деньги, потому что на них можно купить краски.

— Самые лучшие краски, — говорил он, размахивая руками. — Есть бирюзовая, стоит бешеных денег. Но когда кладёшь её на холст, она светится. Понимаешь?

Она слушала и смотрела на его руки. Длинные пальцы, краска под ногтями — он явно не очень старался её отмыть. И эти руки сейчас лежали на столе так близко от её.

— А ты? — спросил он вдруг. — Расскажи о себе. Ты всё слушаешь, а я болтаю как ненормальный.

— Мне нравится слушать, — честно ответила она.

— Нет, так не пойдёт. Я хочу знать всё. Откуда ты? Где твои корни? О чём ты думаешь?

— Я из России, — сказала она медленно. — Из маленькой деревни в Севастополе. Там мой дом. Моя мама, Слава, всю жизнь мечтала стать дизайнером одежды. В девяностые ничего не было, она из старых вещей делала мне наряды. Я засыпала под стрекот швейной машинки. Сначала училась в Москве на дизайнера интерьеров — думала, так надёжнее. Потом работала в студии. А потом... Париж. Я начала шить по ночам. Моя любовь к тканям привела меня в моду.

— А имя? — спросил Луис. — Мирета — что-то значит?

— Мама говорила: от «мир» и «свет». Чтобы я несла мир и покой, куда бы ни пошла.

— Красиво, — сказал он. — Ты несёшь?

— Несу, — усмехнулась она. — Только пока не знаю, кому.

— Мне. — он взял её руку в свою и посмотрел в глаза.

В тот момент, когда его пальцы сомкнулись вокруг её запястья, она почувствовала острое жжение — именно там, где он касался. Отдёрнула руку, посмотрела: на коже проступило красное пятно, маленькое, но отчётливое.

— Что с тобой? — Луис нахмурился. — Тебе больно?

— Всё нормально, — она попыталась улыбнуться. — У меня правда странная аллергия в последнее время. Наверное, на какой-то крем.

Но она знала: никакого нового крема она не использовала. Это была реакция на его прикосновения.

— Бедная девочка, — он поднёс её руку к губам и поцеловал чуть выше пятна.

Жжение усилилось. Мирета высвободила руку и спрятала под стол.

Вечер закончился у её двери. Он поцеловал её легко, невесомо. И ушёл, сказав на прощание: «Завтра позвоню. Обещаю».

И правда позвонил. И на следующий день. И через день. Следующие две недели были как в тумане. Они виделись

почти каждый день. Он водил её в крошечные галереи, о которых знали только художники. На крыши, откуда открывался вид на город. В мастерские своих друзей, где пахло краской и скипидаром, а на стенах висели картины, от которых захватывало дух.

Он звонил ей по утрам, днём и вечерам. Присылал фотографии облаков с подписями: «Это облако похоже на твоё платье, помнишь, то, белое?» Покупал сирень — каждый раз новую, каждый раз где-то находил. Она перестала спрашивать, где.

И он исчезал. Внезапно. Без объяснений. Мог не отвечать на сообщения сутки. Потом появлялся с букетом и историей — срочные съёмки, приехала мать, заболела кошка (кошки у него не было). Мирета прощала. Потому что когда он появлялся, мир снова становился цветным.

А на коже появлялись новые пятна. После каждой встречи, после каждого прикосновения. Она научилась их скрывать — тональным кремом, длинными рукавами, водолазками. Лера однажды заметила:

— Шеф, у вас шея в красных точках. Это не аллергия?

— Аллергия, — отмахнулась Мирета.

Но внутри рос страх. И странное, запретное чувство: что если эти ожоги — не аллергия, а предвестники чего-то необъяснимого? Она начала вести дневник — записывать, когда и после чего появляются пятна. Закономерность была пугающей: всегда после контакта с Луисом. И всегда в мо-

менты особой близости, когда она чувствовала себя особенно счастливой.

3.2. Первые трещины

Однажды они договорились встретиться в среду. Мирета отменила встречу с заказчиком, купила новое платье, два часа крутилась перед зеркалом. В семь вечера она стояла у входа в кафе и ждала. В семь пятнадцать написала: «Ты где?» В семь тридцать пришёл ответ: «Прости, закрутился, съёмка затянулась, давай завтра?»

Она убрала телефон и пошла домой. Платье было красивое. Очень красивое. Она повесила его в шкаф и больше не надевала.

А на следующий день он пришёл с охапкой сирени и извинениями, и она снова растаяла. И снова — новые ожоги.

— Он непостоянный, — говорила Лера. — Я навела справки. У него полгорода знакомых, половина — женщины. Он с вами, он с ними, сам не знает, где завтра будет.

— Он художник, — отвечала Мирета. — Они все такие.

— Шеф, вы себя слышите?

Она слышала. Но ничего не могла поделать.

Он был как солнце. Когда он был рядом — тепло, светло, хотелось жить. Когда исчезал — становилось холодно и пусто. «Он вернётся», — думала Мирета. Ведь она уже заняла своё место под солнцем. Она поймала себя на том, что уже третью минуту смотрит в одну точку на стене, улыбаясь воспоминанию о его вчерашней шутке. На столе лежали эскизы,

которые нужно было сдать ещё вчера. «Ты превращаешься в девушку, которая живёт от звонка до звонка и покрывается странными пятнами», — сказала она себе. Это было неприятно. Но правда.

В один из вечеров они сидели в её мастерской. Луис рассматривал эскизы, разбросанные по столу. Среди них были те самые — с полевыми цветами, которые она рисовала для себя и сразу прятала.

— Это что? — спросил он, вытаскивая один.

— Наброски, — ответила Мирета.

— Мирета. — Он посмотрел на неё серьёзно. — Это же гениально. Почему ты их прячешь?

— Это не для коллекции. Так... для души.

— Вот именно! Для души! А то, что ты показываешь, — это для кого? Для денег?

Она молчала.

— Послушай, — он взял её за руки. Талант — это когда делаешь то, что чувствуешь. А ты чувствуешь вот это. — Он ткнул пальцем в васильки на эскизе. — А показываешь бетон. Почему?

— Потому что линии и геометрия продаётся.

— А сирень?

— Сирень — это я. Но кому нужна я?

Он долго смотрел на неё. «Ты даже не представляешь, кому ты нужна, — сказал он. — И в первую очередь — себе».

3.3. Первая ночь

Луис вернулся через два дня. Она встречала его в аэропорту, и когда он вышел из зоны прилёта — рыжий, веснушчатый, с огромным букетом, — сердце всё-таки дрогнуло.

Они поехали в его мастерскую, потом гуляли по городу. Вечером оказались у неё. Он был внимательным, нежным, говорил комплименты. Мирета чувствовала, как ожоги возвращаются — сначала слабое покалывание на запястье, потом жжение на шее. Но она отгоняла тревогу. Она хотела верить.

Они лежали в её постели. Парижский свет, пробивавшийся сквозь неплотные шторы, рисовал на потолке дрожащие прямоугольники. Мирета чувствовала его дыхание на своей шее — тёплое, прерывистое, чужое и одновременно такое желанное, что кружилась голова.

Он не торопился. Луис вообще никогда никуда не торопился — во всём, кроме исчезновений. Он водил пальцем по её ключице, по плечу, по внутренней стороне руки — там, где кожа самая тонкая. Мирета вздрагивала от каждого прикосновения. Но не от холода. От предвкушения. От надежды, что в этот раз будет иначе. Что он наконец увидит её. Настоящую.

— Ты дрожишь, — сказал он. Голос низкий, чуть хрипловатый.

— Просто...

— Просто что?

Она не ответила. Она боялась спугнуть момент. Боялась, что если скажет правду — что она хочет, чтобы он остался не только на ночь, а навсегда, — он исчезнет. Как всегда.

Он поцеловал её. Глубоко, медленно. Его губы были горячими, и когда они скользнули по шее, Мирета почувствовала знакомое жжение. Сначала слабое, едва заметное. Но с каждым новым поцелуем оно усиливалось. Она закусила губу, чтобы не отстраниться.

— Ты пахнешь сиренью, — прошептал он ей в ухо. — Даже зимой.

Его руки скользили по её телу, изучая, пробуя, запоминая. Но в этих прикосновениях было что-то отстранённое. Как будто он не касался её, а проверял качество ткани. Мирета закрыла глаза. Она хотела верить, что он чувствует то же, что и она. Что она для него — особенная. Что он видит её душу, а не просто красивое тело.

— Луис, — прошептала она, когда он на секунду замер.

— Ты красивая, — сказал он.

И она почти поверила. Потому что в его голосе на мгновение мелькнуло что-то искреннее. Что-то, что не было частью его привычной игры.

А потом всё случилось. Быстро, жарко, с каким-то отчаянием с её стороны и с отработанной лёгкостью — с его. Он двигался уверенно, как музыкант, который сотни раз играл

эту партию. Каждое движение было точным, выверенным, но в нём не было глубины. Только техника. Только привычка.

А она цеплялась за его плечи, впиваясь ногтями в кожу, и чувствовала, как каждое его движение оставляет на её теле новый ожог. Плечи, грудь, живот, бёдра — кожа горела. Она сжимала зубы, чтобы не закричать. Не от боли — от разочарования, которое нарастало внутри.

«Почему я чувствую только жжение? — думала она. — Где тепло? Где то, о чём пишут в книгах? Почему я пустая, когда он внутри меня?

Она пыталась поймать его взгляд, но он смотрел куда-то в сторону — на свет за окном, на отражение в стекле, на что угодно, только не на неё.

— Больно? — спросил он, заметив, как она закусила губу.

— Нет, — соврала она.

Она не хотела, чтобы он останавливался. Потому что в промежутках между жжением была секундная прохлада — когда он замирал, когда его дыхание сбивалось, когда он на секунду смотрел на неё. В эти секунды Мирета чувствовала себя нужной. Живой. Любимой.

Но эти секунды проходили слишком быстро.

Потом всё закончилось. Он откинулся на подушку, тяжело дыша, и потянулся за телефоном, лежащим на тумбочке. Экран загорелся, и его лицо в синеватом свете стало чужим. Отстранённым. Будто только что ничего не случилось.

Мирета лежала рядом, глядя в потолок. Ожоги пульсиро-

вали. В груди разрасталась пустота. Она слышала, как за окном шумит Париж — далёкий, чужой, равнодушный. Слышала, как он скроллит ленту, как иногда усмехается чему-то в телефоне. И не понимала, почему она здесь. Почему она позволяет так с собой обращаться. Почему она не может просто встать и уйти.

— Ты как? — спросил он, не глядя на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.